

Цикл
Влада Полякова
КОНФЕДЕРАТ

Конфедерат
Рождение нации

Влад ПОЛЯКОВ

РОЖДЕНИЕ
НАЦИИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П54

Серия «Попаданец»
Выпуск 52

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П54 Поляков, Влад

Конфедерат: Рождение нации: роман / Влад Поляков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-111459-6

Конфедерацией одержаны важные победы, и государство янки трещит по швам. Вот только далеко не всех влиятельных игроков устраивает подобный исход. Особенно хитрецов родом с «туманного Альбиона», знающих, какой ложкой следует мешать адское варево интриг. Почему? Хотя бы по той причине, что терпящим поражение легко навязать кабальные условия в обмен на политическую и финансовую поддержку, да и окоротить набирающую силу Конфедерацию тоже есть желание. Вот и приходится Виктору Станичу менять положение военачальника и «серого кардинала» на официальное. Да и нерешительные лидеры Конфедерации начинают становиться тормозом на пути запланированного...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111459-6

© Влад Поляков, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков.

Николо Макиавелли

Пролог

США, Вашингтон, май 1862 года

Итоги сражения при Геттисберге произвели в Вашингтоне эффект разорвавшейся бомбы. И это было заметно везде: на улицах, в богатых домах, в Капитолии и даже в Белом доме. Страх! Именно он незримой вуалью накрыл город и не собирался развеиваться без веской на то причины.

Янки определённо было чего бояться! Полный разгром армии Мак-Клеллана при Геттисберге вызвал у Вашингтонцев чувства, сравнимые с теми, что обуревали их после поражения при Булл-Ране. Но теперь всё обстояло куда хуже. Хотя бы потому, что Булл-Ран был в самом начале войны, первым по-настоящему крупным сражением, в котором возможно всякое. Сразу вспоминалась и неспособность командования конфедератов грамотно воспользоваться плодами той победы, она тоже переломила упаднические настроения в готовность продолжать войну. Зато в настоящее время...

Теперь разгром при Геттисберге при всём на то желании нельзя было выдать за случай, за единичную неудачу. С треском проигранное янкесами сражение оказалось лишь жирной чертой под теми проблемами, которые обрушились на США гораздо раньше. Потеря Калифорнии, восстание мормонов, и выход их из состава США с образованием собственного и уже признанного Конфедерацией государства Дезерет. Остановленная

на полпути армия генерала Гранта опять же. И, в завершение всего, этот самый Геттисберг, где, подгоняемый приказами из Белого дома, командующий Потомакской армией Мак-Клеллан попытался остановить и, пользуясь превосходством в численности, разгромить Потомакскую же армию генерала Борегара. Известного полководца, одержавшего победу при Булл-Ране, но которому не дали ею воспользоваться.

Результат? Более двадцати тысяч убитых, свыше десяти тысяч в плену. От более чем пятидесятитысячной армии остались ошмётки, к тому же в большинстве своём лишившиеся боевого духа. Эти остатки армии только и могли отступить ближе к столице и начать оборудовать позиции в надежде, что им удастся остановить наступление конфедератов на Вашингтон. А правительство и лично президент Линкольн готовились в любой момент сняться с насиженных мест и переместиться в Филадельфию. Почему туда? Не столь наглядно, как Нью-Йорк, где под боком пароходы, в том числе и довольно скоростные. Некоторые из власть имущих обладали очень хорошо развитым инстинктом самосохранения, а значит, чувствовали, когда начинает пахнуть палёным и пора собирать манатки.

Определённые надежды у тамошнего истеблишмента оставались лишь на идущие на помощь части армии генерала Гранта, показавшего себя умелым военачальником, не чета Мак-Дауэллу, Мак-Клеллану и прочим. Но надежды — это одно, а реальность порой оборачивается чем-то совершенно иным.

Борегар не двинулся на Вашингтон, к которому стягивали все резервы и вообще части, не жизненно необходимые на других территориях страны. Он, отправив часть своей армии обратно — с ранеными, пленными и трофеями — рванулся к Гаррисбергу, это-

му важнейшему железнодорожному узлу. Добравшись же туда, устроил абсолютный хаос, уничтожая всё, связанное с железнодорожными путями и просто с промышленностью. Знающие люди не сомневались, столь серьёзное разрушение железнодорожного сообщения сделает доставку важных грузов с востока на запад более медленной, что в условиях ведущейся изнурительной войны являлось тяжёлым ударом... очередным из них.

Уничтожив всё, до чего дотянулись руки, и на что хватило имеющейся взрывчатки, части Борегара отступили, причём избегая каких-либо попыток продолжить активные действия. Казалось, что наступление не вошло в его планы.

Так и оказалось. В наступление перешла не Потомакская армия Борегара, а Теннесийская Джексона. Помилуй бог, чего ей было не перейти, если большая часть армии Гранта снялась с позиций и двинулась на выручку столице? Теперь всем было понятно, что в самом скором времени под контроль Конфедерации перейдет не только отбитая было Грантом территория Кентукки, но и та часть штата, которая ранее поддержала федеральное правительство.

Стоило ли удивляться тому, что многие из власть имущих и финансовых воротил — особенно причастных к поддержке как собственно Линкольна, так и аболиционистских движений — всерьез задумались о скорейшей продаже имущества и эмиграции куда-нибудь в Европу. Явный признак неверия самой верхушки США в то, что удастся выиграть ту войну. А неверие верхушки и её действия никогда не оставались незамеченными теми, кто находится на более низких ступенях иерархии. Вот-вот могла начаться всеобщая паника, способная поставить жирный крест на самих США.

Вот в такой тревожной и грозящей окончательно выйти из-под контроля обстановке президент Авраам Линкольн принимал посла Великобритании, виконта Ричарда Бикертон Лайонса. Причём встреча состоялась по инициативе посла, настаивавшего на скорейшем её проведении.

Это было не совсем ожидаемо, но в то же время настраивало Линкольна на оптимистичный лад. Хотя бы потому, что виконт Лайонс был убеждённым сторонником того курса, который проводился нынешним президентом США. Отношение же британского посла к Конфедерации было явное, не скрываемое и весьма нелицеприятное для последней. Чего стоили эпитеты вроде «источник заразы для всего цивилизованного мира»! Лучшего посла от столь могущественной империи Линкольн и пожелать не мог. И вот теперь этот самый разговор. Разговор без присутствия посторонних лиц, в закрытом кабинете, что несомненно подразумевало его повышенную секретность.

Виконт стоял у камина, глядя на языки пламени, лижущие аккуратно нарубленные поленья, и изредка прикладывался к бокалу с хересом. Ну, а президент, выглядевший совсем усталым и измотанным от груза свалившихся на него проблем, сидел в кресле, смотря то на посла, то в окно, за которым накрапывал мелкий, противный дождь. Смотрел и ждал, когда же виконт Лайонс перейдёт от общих фраз о погоде, последних светских сплетен из Лондона и прочей чепухи к тому делу, ради которого тут появился. Шутка была в том, что посланник королевы Виктории не спешил, явно доводя его, Линкольна, до нужной кондиции. Обычное поведение дипломата, который заранее ставит себя в выигрышное положение перед собеседником, напоминая о необходимости встречи первым делом не для себя, для

иной стороны. Что ж, сейчас Лайонс имел на это право, ведь не его страна явственно проигрывала в разгоревшемся пламени гражданской войны.

— Я вижу, что новости о семье лорда Пальмерстона вам сейчас не особенно интересны, господин президент, — тень ироничной улыбки на мгновение появилась и тут же исчезла с лица виконта. — Ваше право. Тогда оставим прелюдию и перейдём к тому, ради чего я попросил вас о встрече. Вы готовы к этому?

— Конечно.

— Это хорошо, — покинув, наконец, место около камина, посол подошёл к массивному, украшенному резьбой креслу из красного дерева, в котором и устроился, не забыв поставить на столик рядом как бокал с хересом, так и бутылку с этим же напитком. — Вы проигрываете войну Конфедерации, это очевидно.

— Граждане Соединённых штатов готовы, не щадя своих жизней, бороться с теми...

— Оставьте эту патетику, господин президент, — доброжелательные интонации в голосе Лайонса не обманывали Линкольна. По существу посланник королевы Виктории вёл себя как хозяин положения, без тени смущения перебивая его, президента немаленькой и обладающей значительным влиянием страны. И имел на то все основания. — Вы потеряли главный источник золота — Калифорнию. Немалая часть серебряных рудников — у отколовшихся от вас мормонов. Фабрики лишены дешёвого сырья из южных штатов, о хлопке и я вовсе молчу. Деньги в казне пока есть, но поддерживающие вас банкиры после недавних событий уже начинают переводить свои капиталы в Европу. А также, вместе с промышленниками, ищут покупателей на своё имущество в этой стране. Это факты, от которых нельзя отмахнуться. Не президенту!

Линкольн это понимал, просто хотел попытаться гражданским пафосом немного выровнять позиции. Не получилось. Он не был удивлён, потому как хорошо знал британского посланника. Умный, расчётливый, способный видеть возможности и использовать их к выгоде своей и империи. А значит, и прозвучавшие горькие, хоть и правдивые слова были не банальной попыткой сотрясти воздух громкими фразами.

— Вы правы, мистер Лайонс. Мы находимся в очень тяжёлом положении. Но это не значит, что я... что мы готовы сдать на милость этого Дэвиса!

— Этого я бы не осмелился предложить, — вымолвил англичанин. — Я предлагаю другое: возможность не выиграть войну — это сейчас вряд ли возможно, — но сохранить имеющееся сейчас, а уже потом вернуть и потерянное. Не сразу, спустя годы, но вернуть. Иначе Борегар восстановит численность ослабленной после Геттисберга армии, Джексон двинет теннесийцев из Кентукки в Западную Виргинию, и спустя пару месяцев эти армии нанесут удар с двух направлений, имеющий одну конечную цель — вашу столицу. Основы стратегии, а Борегара нельзя упрекнуть в неграмотности.

В нескольких фразах обрисованная печальная перспектива заставила Линкольна содрогнуться. Уже потому, что была абсолютно реальной. И противопоставить этой надвигающейся реальности было просто нечего. Он только и мог, что спросить посла, словно провинившийся ученик строгого учителя:

— Вы же не просто так это сказали, Лайонс? Что вы предлагаете США от имени королевы Виктории?

— Не будем пока упоминать её имя. Пусть сейчас наш с вами разговор будет... просто беседой двух умных людей. Договор по результатам — это уже иное. И только от вас зависит, каким он будет и будет ли.

— Мне остаётся лишь слушать.

Опытный дипломат, виконт Ричард Лайонс не позволил даже тени испытываемых им эмоций отразиться на лице. Подобное было бы чрезвычайно неуместным, особенно сейчас, когда президент страны, ранее бывшей колонией Британской империи, по сути готов был сделать первый шаг к тому, чтобы преклонить колено перед бывшей метрополией. Не зря же от его «остаётся лишь слушать» веяло «остаётся лишь слушаться». Дипломату, умудрённому сложными переговорами, не привыкать улавливать тончайшие нюансы.

— Вы должны понимать, господин президент, что Великобритания не выступит открыто на стороне США.

— По каким причинам? Общественное мнение сложилось не в нашу пользу?

— Мнениями этого... общества довольно легко управлять, для того придумали большое количество способов. Не работает один, задействуются прочие. О нет, тут иное. Едва моя королева отдаст приказ хотя бы одной эскадре отправиться на помощь вам, как Россия тут же вышлет свои эскадры на помощь Конфедерации. Не из любви к южанам, а просто чтобы не дать усилиться нам. Испания тоже не останется в стороне, потому что Конфедерация пообещала им содействие в возвращении части бывших колоний. Успехи в Мексике убедили королеву Изабеллу в том, что это не просто слова. Опираясь же на Кубу и несколько мексиканских портов, Испания действительно сможет начать восстанавливать свою власть над бывшими колониями. Это давняя мечта их аристократии, которая теперь имеет шансы на осуществление.

Говоря это, Лайонс с трудом удерживался от недовольной мины. Ещё бы, ведь авантюра в Мексике, рассчитанная более на получение финансовой выго-

ды и ещё кое-какие политические дивиденды, переросла в нечто большее. Дело пахло уже не сменой власти в этой нищей стране с недомерка Хуареса на марионеточного монарха, который должен был стать подконтролен в равной степени Англии, Франции и Испании, а чем-то гораздо более масштабным. Попытка возрождения Испанской империи — это серьёзно. И подобное для его родины было крайне нежелательным вариантом.

Меж тем Линкольн, с ходу осознавший, что лёгкий путь получения помощи от Великобритании неосуществим, произнес:

— Если не военная помощь, тогда что?

— Политическая поддержка. Наша непременно. Очень возможно, что и со стороны Франции. Наполеон III, если его правильно попросить, не откажет моей королеве. Неограниченные поставки нужных для войны товаров, «добровольцы», которые легко окажутся в вашей стране со стороны нашей Канады. Наши доброжелатели в Конфедерации, имеющие влияние на окружение президента Дэвиса. И главное — наши советы.

— Англия ничего не даёт просто так. Чего королева Виктория попросит у США взамен?

Виконт Лайонс если и промедлил с ответом, то не более нескольких секунд. И это значило лишь одно — к разговору он хорошо подготовился, предусмотрев разные его пути.

— Для начала вы должны не только не мешать, но и посодействовать нашим финансистам в приобретении того, что готовы продать уже ваши соотечественники, господин президент. Также нас интересуют пакеты акций железных дорог, особенно планируемой вами трансконтинентальной. Порты тоже вызывают желание участия со стороны нашего капитала.

— Это может не понравиться тем, кто... — Линкольн сделал многозначительную паузу, предоставляя собеседнику возможность самому её закончить. И тот оправдал ожидания:

— После показательной казни Джеррита Смита, одного из их довольно тесного круга, люди, с чьей помощью вы стали президентом этой страны, напуганы. Они готовы поделиться в обмен на обещание безопасности и возможность продолжать усиливать своё влияние... в других местах. Земной шар велик, места пока ещё хватает.

Договорились. В смысле Британская империя и те персоны, которые стояли за ним, за Линкольном. Президент это понял разом, в одно мгновение. Следовательно, не стоило ему пытаться плыть поперёк бурного течения, подвергая себя огромному риску утонуть. Что до смены покровителей... Лучше уж так, чем проигрыш в войне и потеря всего, к чему стремился.

— В целом я согласен. Но нужно обговорить целый ряд условий.

— Обязательно. Ваши люди и мои составят устраивающий обе стороны — США и Великобританию — договор. Общую часть и ту, которая не будет доступна никому, кроме узкого круга доверенных лиц. Желаете ли вы выслушать первые рекомендации от её величества королевы Виктории, которые помогут вам не проиграть эту войну, господин президент?

Линкольн желал. Очень даже желал, будучи готовым ухватиться за любую соломинку, не то что за руку, протянутую могучей империей. Это он и выразил со всей возможной вежливостью, но не скатываясь в подобострастие. В ответ без малейшего промедления получил от посла Великобритании весьма неожиданный совет: